

10 июня Тихону

Николаевичу Хренникову

исполняется 90 лет.

Он — это целая эпоха
в российской музыкальной

культуре.

Герой Социалистического
Труда, народный

артист СССР, лауреат

трех Сталинских,

Ленинской и

Государственной премии,

профессор Московской

консерватории.

Сумевший не написать

НИ ОДНОЙ песни

о вождях, он четыре

с лишним десятилетия

возглавлял Союз

композиторов СССР.

А его песни из культовых

фильмов советской эпохи

«Свинарка и пастух»,

«В шесть часов вечера

после войны», «Верные

друзья», «Гусарская

баллада» до сих пор

поют и любят...

— И как же вы спаслись?

— Почти как Керенский.

Прямо в больничной пижаме

я лег на дно машины, Клара

прикрыла меня своими юбками

и увезла из барвикинского

«райя». Я приехал домой, а в

Барвики — ЧП: пропал Хренников!

Я позвонил главному

иющийся началом государственной поддержки культуры. Ведь все последние годы нам внушалось, что искусством должны заниматься спонсоры, но не государство. Также я просил его поговорить с губернаторами, чтобы те, каждый в своей губернии, продолжили эту линию. Последний раз мы общались с ним на премьере «Руслана и Людмилы» в Большом театре. Я ушел после первого акта, он выпергал еще пол-акта и тоже ушел.

— Провал «Руслана и Людмилы» — это, на ваш взгляд, единичный пример или вообще так плохи дела в Большом театре?

— Я давно там не был, мне сложно судить о нем вообще, но не понимаю, как руководство Большого театра могло пойти на то, чтобы вместо красочного спектакля, который был бы интересен и детям, и взрослым (все-таки сказка Пушкина), ограничиться такой скучной концертной постановкой.

— Каково ваше мнение о состоянии серьезной музыки в современной России?

— Очень большие трудности с ее исполнением. Ведь сейчас все пытаются из того, что им принадлежит, делать бизнес. И композиторам приходится платить за зал, за оркестр, за организацию концерта. А у кого из них имеются 5000 долларов, чтобы арендовать на вечер Большой зал консерватории? Но в то же время у нас есть замечательные композиторы, которые сочиняют интересные симфонии, оперы, мюзиклы. Меня радует, что серьезная музыка публикой востребована. Об этом говорят переполненные залы на концертах классики. Но, кроме зрительского интереса, должен быть и передачочный механизм от композитора к слушателям. Раньше им было государство. Сейчас нужно искать какие-то новые формы господдержки, потому что у нас очень много талантливой молодежи. Я до сих пор веду класс в консерватории, и иногда мне показывают ребят, которые уже в 9–12 лет сочиняют музыку и играют на рояле почти как взрослые.

Традиции обязательно нужно хранить. Ведь каждый творец

ОТ СТАЛИНА ДО ПУТИНА — ОДИН ХРЕННИКОВ

Важно не только, что он написал, но и что сумел НЕ написать

— Большой резонанс получил ваш балет «Наполеон Бонапарт», премьера которого состоялась в Кремлевском дворце в 1995 году. А что еще создано вами в последние годы?

— После «Наполеона Бонапарта» я написал музыку для балета «Капитанская дочка», премьера которого состоялась в канун пушкинского юбилея в Театре Наталии Сац. Затем для того же театра я написал мюзикл «Чудеса да и только» по пьесе Маршака «Умные вещи» на либретто Роксаны Сац и главного режиссера театра Виктора Рябова. Я довolen результатом нашей совместной работы. Публика — не только дети, но и взрослые — смотрят мюзикл с большим интересом. Для меня важно, что эта пьеса учит порядочности.

А примерно год назад мне позвонил директор Омского оперного театра и просто потребовал, чтобы я написал мюзикл по мотивам кинофильма «В шесть часов вечера после войны». Пришло согласие. Мои друзья Роксана Сац и Виктор Рябов подготовили либретто, и я, частично используя музыку из фильма, а кое-что добавив новое, сочинил мюзикл, премьера которого состоялась 9 мая этого года.

Сейчас я пишу вокальные дуэты на слова одного знакомого, сделавшего очень интересные переводы старинной армянской поэзии.

— Вы никогда не жалели, что, отдав столько сил музыке, чего-то лишились и какая-то часть жизни прошла мимо вас?

— Я не считаю, что что-то прошло мимо меня, поскольку никогда не был падок на развлечения и удовольствия. Ничто не может сравниться с тем наслаждением, которое я получаю, сидя за столом перед новой партитурой. Вот разве что женшиня любит всю жизнь. Но любовь к женщине — это тоже значительный стимул для каждого творца.

А любимая женщина у меня была только одна — это моя жена Клара. Мы прожили вместе 67 лет, и она сыграла в моей жизни огромнейшую роль, потому что соединила в себе качества, которые должны быть в любимой женщине, близком человеке, товарище и друге. Она очень на меня влияла, и если бы не Клара, я был бы совсем другим человеком. Но это незначило, что мне не нравились другие женщины. Конечно, нравились, конечно, я увлекался, но ничего серьезного не было.

Еще совсем мальчишкой я влюбился в нее по уши. Но у Кларь была устоявшаяся семейная жизнь, любивший ее муж — блестящий инженер. Но я влюбил в себя Клару и в конце концов к ним присоединился и я. Ну и Клара, собирая свои вещи, плакала тоже. Так мы в слезах простились, и я увез ее в Елец к своей маме. У меня очень настойчивый и твердый характер. Если бы не он, я не сумел бы многое достичь в жизни.

— Наверное, именно характер позволил вам более сорока лет возглавлять Союз композиторов...

Музыка необязательно должна нравиться всем

— Мне всегда хотелось заниматься только творческой работой, ни о какой административной карьере я и не помышлял... Как-то вечером мне позвонили (это было в 1948 году) и сказали, что сегодня в 23.00 я должен быть в ЦК у Дмитрия Шепилова — замначальника Агитпропа. Шепилов вручил мне листок с резолюцией Сталина: «Назначить Хренникова генеральным секретарем, поручить в апреле месяца престижный съезд советских композиторов и создать композиторскую организацию». В один момент я стал руководителем всей музыки Советского Союза. А дальше — съезд. Никогда в жизни я не выступал, но «мой» доклад был уже написан в ЦК. Начинался он так: «Формализм крепко внедрился в сознание Шостаковича, Прокофьева и ряда других видных композиторов». Не пытаюсь оправдать себя, но всегда старался, как мог, защитить своих товарищей. Уже через полтора года Шостакович получил Сталинскую премию, а потом и Прокофьев.

— В те годы, начиная с доклада Жданова об Ахматовой и Зощенко, власть наносила удар за ударом по искусству. Очевидно, и от вас руководство страны многое ожидало...

— Сколько мог, я всегда старался отстаивать собственные взгляды и убеждения. Особенно сложно это было начиная с 1950 года, во время борьбы с космополитизмом, которая сводилась в основном к антисемитизму.

Для нашей организации этот вопрос стоял довольно остро, потому что было очень много талантливых композиторов-евреев. И тут мне пришлось в полную силу проявить свой характер, потому что от нас требовали отрицательных характеристик, но мы всегда давали только суперположительные, так что оснований для арестов не было. Помню, как-то раз арестовали Вайнберга на несколько дней, так как скандал закатил!.. Искатели компромата не должны были забывать, что на должность секретаря союза меня назначил Сталин! В других творческих союзах было много пострадавших, а из композиторов никто не пострадал.

— А были ли у вас в те годы поступки, в которых вы теперь раскаиваетесь?

— Единственное, в чем я раскаиваюсь, — это тот самый доклад, написанный в ЦК, который я прочитал на съезде композиторов. Собственно, он являлся развитием, точнее, буквальным повторением постановления ЦК от 1948 года, которое я как руководитель Союза композиторов должен был озвучить. Но отказалось от этого я не мог.

— А вы сами не были объектом кляуз?

— Моя непокорность не давала покоя некоторым моим коллегам. Среди композиторов было много реакционно настроенных людей. Они писали на меня в ЦК. Суслов, взяв с меня честное слово, что буду молчать, давал мне читать эти доносы. Чуть ли

врачу, все объяснил и обещал в скором времени вернуть казенную пижаму.

— Приходилось ли вам общасться со Сталиным?

— Я был одним из руководителей сталинского комитета по премиям — вместе с Сашей Фадеевым и Костей Симоновым, мы каждый год представляли в Политбюро для утверждения список лауреатов. Сталин всегда принимал самое активное участие в обсуждении, казалось, что он все читал, все знал.

— Какое впечатление он на вас производил?

— Очень сильное. Это был, конечно, человек весьма незаурядный. Он умел актерствовать и, изображая мудрого и справедливого руководителя, разрешал с собой спорить и иногда даже принимал предложения, которые противоречили его собственным. Например, Фадеев нередко и даже довольно резко спорил со Сталиным, мне также довелось как-то дискутировать с вождем народов. Но более близкого общения у нас не было, на свою дачу он меня не приглашал.

— А с Путиным доводилось ли вам встречаться?

— Несколько раз. Он производит впечатление обаятельного, серьезного человека, вникающего во все, происходящее вокруг. Мы говорили на различные темы, в том числе и о музыке. Кстати, мне очень понравился один из его последних указов — об оказании финансовой помощи семи крупнейшим творческим коллективам, по сути, являющимся началом государственной поддержки культуры. Ведь все последние годы нам внушалось, что искусством должны заниматься спонсоры, но не государство. Также я просил его поговорить с губернаторами, чтобы те, каждый в своей губернии, продолжили эту линию. Последний раз мы общались с ним на премьере «Руслана и Людмилы» в Большом театре. Я ушел после первого акта, он выпергал еще пол-акта и тоже ушел.

В годы борьбы с космополитизмом, когда он возглавлял Союз, ни один композитор не пострадал

должен знать все, что создано до него, чтобы к этому «до него» приводить что-то свое. Правда, есть некоторые новаторы, которые считают, что все созданное ранее надо разрушить, чтобы начать строить заново. Вот тогда и получается та деградация искусства, которую мы порой наблюдаем в театре или музыке, когда люди рубят сук, на котором сидят. Без традиций, то есть накопления опыта предыдущих поколений, невозможно существование искусства.

— А к музыке Шнитке, Губайдулиной как вы относитесь?

— У обоих авторов есть прекрасные сочинения, которые я ценю, а есть и менее удачные, которые я не принимаю. Это нормальный процесс. Я считаю, что каждый имеет право работать в искусстве так, как он хочет, но и публика имеет право на свое мнение. Музыка того или иного композитора вовсе не обязательно должна нравиться всем слушателям.

● Александр СЛАВУЦКИЙ